

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ТЕКСТОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-1
ББК Ш5(2) 6-335-4

ФУНКЦИИ СЛОВЕСНЫХ СИМВОЛОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

О.С. Бернат

Поэтический текст представляет собой сложную системно-структурную организацию, характеризующуюся связностью и обладающую набором универсальных качеств (антропоцентричностью, диалогичностью, социологичностью и интерпретируемостью). Словесные символы в поэтическом произведении становятся текстовыми единицами, неким центром, в котором реализуется художественная идея. Поэтический текст (в котором функционируют слова-символы), представляет собой сложное системно-структурное единство, в котором заложена информация о путях постижения действительности.

Ключевые слова: поэтический текст, категории и признаки поэтического текста, словесный символ.

Поэтический текст представляет сложную организацию элементов, «образное образование, соответствующее пониманию» посредством воздействия «совокупности языковых средств» [8, с. 33]. В поэтическом произведении реализуются универсальные категории и качества, которые определяют его природу.

Связность, которая формально выражается на уровне синтагматических отношений, возникающих при последовательном расположении единиц, при их непосредственном сочетании друг с другом, представляет собой «органичное линейное единство многих компонентов (слов, предложений, текстовых фрагментов)» [5, с. 160].

Поскольку в процессе порождения текста автор стремится разделить смысловое пространство на некие содержательные компоненты, категория связности включает в себя не только структурный (формально-логический) аспект, но и предметно-содержательный (семантический), «...основанный на отношениях с внеязыковой действительностью» [12]. Семантическая связь состоит в семантическом зацеплении частей текста, следующих друг за другом. При этом «смысловое зацепление, как правило, локализовано (или его локализация мыслима) на стыке находящихся рядом частей и выражает (или подразумевает) логические взаимоотношения» [6].

Таким образом, связность, представляя собой «систему отношений, организованную на основе принципа эксплицитного и имплицитного объединения текстовых элементов, позволяет реципиенту воспринимать текст и получать из него полную информацию» [12].

Наряду с данной категорией природу художественного текста определяют следующие свойства: антропоцентричность, диалогичность, социологичность, интерпретируемость.

Антропоцентричность – связь автора и читателя. «У художественного текста есть как бы три центра: автор – создатель художественного произведения; действующие лица; читатель – «сотворец» художественного произведения» [4].

Диалогичность представляет собой не только диалог автора и читателя, поскольку будучи созданным художественный текст вступает в сложные отношения как со своими возможными читателями, реализуя прагматическую функцию, так и с «другими текстами, функционирующими в данном обществе» (реализуя функцию эстетическую) [2].

Социологичность важна как категория художественного текста, поскольку «всякое литературное произведение внутренне имманентно-социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками» [3].

Интерпретируемость. «Художественный текст допускает множественность его интерпретаций», что «обусловлено уникальностью художественного текста как психолого-эстетического феномена, ибо он создается автором для выражения своих индивидуальных представлений о мире, знаний о мире при помощи набора языковых средств и направлен к читателю» [1, с. 63].

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что каждый поэтический текст представляет собой сложную системно-структурную организацию, характеризующуюся связностью и обладающую набором универсальных качеств (антропоцентричностью, диалогичностью, социологичностью и интерпретируемостью).

В поэтическом тексте, в котором имеются словесные символы, находят отражение все перечисленные универсальные текстовые категории и качества, при этом данное произведение направлено на создание условного субъективного мира.

Особенностью такого текста является недоговоренность, рациональная непроясненность высказывания для передачи неявного, тайного, поэтому в нем используется «беглый язык намеков и недосказов».

Посредством «намеков и недосказов» формируется поэтика предельности, где каждый элемент «с большим или меньшим приближением стремится выразить изначальную функцию, предел» [10, с. 6–7], максимально сокращая «дистанции между активностью творческого бессознательного и сознанием, между «искусством» и «жизнью» [11, с. 45]. Отражением поэтики предельности становятся слова-символы, которые углубляют смысл художественного образа, порождая в душе воспринимающего обширные сцепления мыслей, чувств, настроений.

Именно словесные символы в поэтическом произведении становятся текстовыми единицами, неким центром, в котором реализуется художественная идея. Эти единицы поэт использует, чтобы «заставить нас сосредоточиться в одном пункте, забыть себя ради известного предмета», увидеть мир [9, с. 169–170].

Следовательно, поэтический текст, в котором функционируют слова-символы, представляет собой сложное системно-структурное единство, в котором заложена информация о путях постижения действительности. Поэтому целью лингвистического анализа поэтических текстов, в которых содержатся словесные символы, является выяснение соотношения идейно-тематического содержания и форм взаимодействия языковых элементов. А задачи лингвистического анализа связаны с выявлением текстообразующих слов-символов и описанием механизмов формирования семантической структуры словесных символов; а также с выяснением системы отношений, в которые вступает слово-символ, и описанием (на основе выявленной системы отношений) созданной автором символической реальности.

Так, например, в поэтическом произведении «Кабы нас с тобой – да судьба свела...» посредством слов-символов М.И. Цветаева так выражает свое отношение к жизни.

*Кабы нас с тобой – да судьба свела –
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох, мой родной, мой природный,
мой безродный брат!*

*Как последний сгас на мосту фонарь –
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай народ, моему царю!
Присягай его царице, – всех собой дарю!*

*Кабы нас с тобой – да судьба свела –
Поработали бы царские на нас колокола,
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.*

*Нагулявшись, наплясавшись на земном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька – бела, бела –
Кабы нас с тобой – да судьба свела!*

1916

Строение текста по форме напоминает застольную народную песнь (на что указывает, в первых, обилие повторов, свойственных русским народным песням: *кабы нас с тобой – да судьба свела; дороженька – бела, бела; Ох, мой родной, мой природный, мой безродный брат; во-вторых, использование междометия ох; в-третьих, употребление лексических единиц с уменьшительно-ласкательными суффиксами: дороженька, дружок, братец), простую и светлую, вызывающую улыбку, помогающую человеку выстоять, выдержать все жизненные испытания. В проникновении в мир народного творчества заложено проявление свободы, поскольку народная песня, по мнению поэта, «завершена и совершенна и – никому ничем не обязана» [13, с. 62], она рушит сложившийся порядок, подрывает основы, призывает к бунту.*

Это произведение предстает перед нами, с одной стороны, как косвенная, но четко выраженная жизненная позиция поэта, а с другой – как горячий призыв следовать ей, не ссылаясь и не жалуясь на трудности и неудачи, не поддаваясь сомнениям и горестям. Неслучайно в каждой строчке поэтического текста царит подчеркнутая свобода от чьих бы то ни было сторонних оценок, каждое слово в нем словно «дышит» своеволием в проявлении чувств, мыслей, желаний (*кабы нас с тобой – да судьба свела – ох, веселые пошли бы по земле дела! Не один бы нам поклонился град...*).

Для усиления художественной экспрессии М.И. Цветаева применяет и различного рода повторы: анафору, эпифору, тавтологию, синонимику (как правило, указанные приемы используются поэтом не изолированно, а в той или иной комбинации). Ср. хотя бы такие речевые отрезки из текста «Кабы нас с тобой – да судьба свела...», как:

*Присягай народ, моему царю!
Присягай его царице, – всех собой дарю!..
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Ох, мой родной, мой природный, мой безродный брат!..*

*И пылила бы дороженька – бела, бела –
Кабы нас с тобой – да судьба свела...*

Очень выразительным в произведении является прием градации в чрезвычайно ярком описании близкого человека (где повторение части **родн-** (*мой родный, мой природный, мой безродный брат*) словно указание на того, с кем можно всегда оставаться собой), для кого родина – весь мир, и земной, и небесный, для кого не существует никаких преград и запретов.

Безграничное и беспредельное пространство символической реальности, где героиня – царица,

вмещает в себя всю силу испытываемого ею чувства радости от возможности самостоятельного выбора и принятия решений, которые могут быть не всегда правильными. Даже осознание того, что за счастливые мгновения придется расплачиваться жизнью, не омрачают героиню, поскольку ее душа свободна и на земле, и за ее пределами:

*Нагулявшись, наплясавшись на земном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...*

В ее честь звонят царские колокола (ср.: *спорили сотни колоколов*), сообщая о великой грешнице или святой самозванке и прославляя бесшабашное веселье, а образ звонящего колокола трансформируется в слово-символ, которое, являясь центральным элементом всего текста, последовательно эксплицируется, условно именуя радость и как протест против существующего общества, и как творческую энергию, дар, формируя мысль о том, что именно радость особое состояние духа, необходимое человеку.

Обилие разговорной лексики (*кабы, ох, родной, дороженька, сгас, нагулявшись, наплясавшись, кабацкий*), риторических восклицаний (*Ох, веселье пошли бы по земле дела! Присягай народ, моему царю! Присягай его царице, – всех собой дарю!*), использование особого лексического повтора – рамки (*Кабы нас с тобой – да судьба свела!*) дает М.И. Цветаевой возможность выразить основную мысль текста: в жизни должно быть место веселью, так как оно (бесшабашное веселье) – наполняет жизнь вдохновением и свободой, дарит особое состояние духа, устраняет преграду между людьми, сближает их, помогает лучше понять друг друга. В радости все равны – и безродный брат, и царь, – поэтому она так необходима человеку.

В поэтическом тексте «Я знаю, я знаю...» М.И. Цветаева раздумывает над философским вопросом о том, способен ли человек изменить свою жизнь, противостоять тем испытаниям, которые ему посылает судьба.

*Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная,
Прелестная чаша –
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,
Повисшие в зорях.*

*Я знаю, я знаю,
Кто чаще – хозяин!
Но легкую ногу вперед – башней
В орлиную высь!
И крылом – чашу
От грозных и розовых уст –
бога!*

Поэтическое произведение состоит из двух частей, одинаково законченных по художественному исполнению.

В первой части поэт сообщает о том, что ему известно о человеческой жизни: во-первых, жизнь предопределяется высшими силами и не зависит от самого человека, во-вторых, человек не способен изменить законы мира и природы (*прелесть земная ... не более наша, чем воздух, чем звезды ... я знаю, кто чаще хозяин...*) в форме повторяющегося сочетания «я знаю, я знаю».

Вторая часть разбираемого текста антитезна первой и содержательно, и с точки зрения плана выражения, хотя в единое поэтическое целое части объединяются с помощью лексико-синтаксической анафоры (*я знаю, я знаю – я знаю, я знаю*). Поэт говорит здесь о своих желаниях, противоречащих тому знанию, которым он обладает, что эксплицитно выражается с помощью противительного союза *но*. Содержательное противопоставление этой части произведения первой подкрепляется и стилистически. Это выражается в том, что авторский рассказ превращается из лирического монолога в сдержанный и одновременно дерзкий протест, вызов Богу и судьбе:

*Но легкую ногу вперед – башней
В орлиную высь!
И крылом – чашу
От грозных и розовых уст –
бога!*

Здесь М.И. Цветаева «выводит жизнь человека на некий космический уровень» [7, с. 105], где земное и неземное, сплетаясь воедино, образуют новое пространство, в котором не действует закон притяжения, и человек, устремляясь *в орлиную высь*, провозглашает собственные правила, изменяя привычный ход времени. Жажда власти над своей жизнью, по мнению поэта, позволяет нарушить основы мироздания и вступить в борьбу за свою судьбу. Идея противостояния силам, управляющим судьбой человека, реализуется в поэтическом тексте посредством слова-символа *крыло*, имеющего значение «поэтический дар, утверждение свободы, мощи» [7, с. 105]. Именно способность создавать, как полагает М.И. Цветаева, является той силой, которая дает возможность человеку стать творцом своей судьбы и заявить и о своем величии (*ногу ... – башней, крылом ... – чашу*).

Выступая по отношению друг к другу как антитезные образования, обе части вместе с тем – неразрывное целое. Накрепко они связаны между собой не только анафорическим повтором (*я знаю*) и союзом *но*, о чем уже говорилось. Гармоническое единство художественного текста создается своеобразным экспрессивным повтором слова *чаша* (ср.: *прелестная чаша – не более наша... – и крылом – чашу от грозных и розовых уст – бога*).

На фоне этой лексической тавтологии особенно ярко проступает семантика слова *чаша*,

которое в поэтическом произведении условно называет судьбу – земную жизнь человека, неповторимую, полноценную (на что указывают эпитеты *резная, прелестная*), а также разнообразную, меняющуюся, которая может быть наполнена то радостями и удовольствиями, то горестями и тяжелыми испытаниями.

Таким образом, являясь идейно-художественным компонентом, слово-символ определяет смысловую перспективу целого произведения и служит ключом к коду, который используется отдельным автором для воссоздания символической реальности.

Литература

1. Бабенко, Л.Г. *Лингвистический анализ художественного текста* / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург, 2000. – 532 с.

2. Бахтин, М.М. *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках* / М.М. Бахтин // *Эстетика словесного творчества*. – М., 1979. – С. 20–90.

3. Бахтин, М.М. *К эстетике слова* / М.М. Бахтин. – М., 1994. – С. 5–25.

4. Гончарова, Е.А. *Интерпретация художественного текста* / Е.А. Гончарова – М., 1985. – С. 2–10.

5. Колобаев, В.К. *Факторы, влияющие на восприятие и понимание иноязычного текста* / В.К. Колобаев // *Понимание и интерпретация текста*. – Тверь, 1994. – 168 с.

6. Кожевникова, К. *Об аспектах связности в тексте как в целом* / К. Кожевникова // *Синтаксис текста*. – М., 1979. – С. 10–70.

7. Маслова, В.А. *Поэт и культура* / В.А. Маслова // *Концептосфера Марины Цветаевой*. – М., 2004. – 256 с.

8. Новиков, А.И. *Семантика текста и ее формализация* / А.И. Новиков. – М., 1983. – С. 25–37.

9. Потебня, А.А. *Полное собрание трудов: Мысль и язык* / А.А. Потебня. – М., 1999. – 300 с.

10. Стояновский, М.Ю. *Символ у Вяч. Иванова: Традиции и специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук* / М.Ю. Стояновский. – М., 1996. – 22 с.

11. Тодоров, Ц. *Теория символа* / Ц. Тодоров. – М., 1998. – 427 с.

12. Турбина, О.А. *Принцип классификации текстовых связей* / О.А. Турбина, О.А. Савельева // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. – 2006. – Вып. 3. – № 6 (61). – С. 53–58.

13. Цветаева, М.И. *Письма к Наталье Гайдукевич* / М.И. Цветаева. – М., 2002. – С. 50–81.

Бернат Оксана Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), oxtaber@yandex.ru.

Поступила в редакцию 20 октября 2014 г.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Linguistics"
2014, vol. 11, no. 4, pp. 28–32

FUNCTIONS OF VERBAL SYMBOLS IN POETIC TEXTS

O.S. Bernat, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, oxtaber@yandex.ru

The poetic text is a complex systemic and structural unity characterized by coherence. Any poetic text has a set of universal properties: it is anthropocentric, dialogical, sociological and meaningful. Verbal symbols are text units that form a certain center of artistic thought. The poetic text with verbal symbols is a complex systemic and structural unity that reflects our modes of understanding the world.

Keywords: poetic text, categories and properties of the poetic text, verbal symbol.

References

1. Babenko L.G., Vasil'ev, I.E., Kazarin Ju.V. *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta* [Linguistic Analysis of Literary Text]. Ekaterinburg, 2000. 532 p.

2. Bahtin M.M. *Problema teksta v lingvistiki, filologii i drugih gumanitarnyh naukah Jestetika slovesnogo tvorcestva* [The Problem of Text in Linguistics, Philology and other Humanities. Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, 1979, pp. 20–90.

3. Bahtin M.M. *K jestetike slova* [For Aesthetics words]. Moscow, 1994, pp. 5–25.

4. Goncharova E.A. *Interpretacija hudozhestvennogo teksta* [Interpretation of a Literary Text]. Moscow, 1985, pp. 2–10.

5. Kolobaev V.K. *Faktory, vlijajushhie na vosprijatie i ponimanie inojazychnogo teksta. Ponimanie i interpretacija teksta*. [Factors Affecting the Perception and Understanding of Foreign Text. Understanding and Interpretation of the Text. Tver', 1994, 168 p.
6. Kozhevnikova K. *Ob aspektah svjaznosti v tekste kak v celom. Sintaksis teksta* [About Aspects of Connectivity in the Text as a Whole. The Syntax of the Text]. Moscow, 1979, pp. 10–70.
7. Maslova V.A. *Pojet i kul'tura. Konceptosfera Mariny Cvetaevoj* [Poet and Culture Kontseptosfer Marina Tsvetaeva]. Moscow, 2004. 256 p.
8. Novikov A.I. *Semantika teksta i ee formalizacija* [The Semantics of the Text and Its Formalization]. Moscow, 1983, pp. 25–37.
9. Potebnja A.A. *Polnoe sobranie trudov: Mysl' i jazyk* [Complete Works: Thought and Language]. Moscow, 1999. 300 p.
10. Stojanovskij M.Ju. *Simvol u Vjach. Ivanova: Tradicii i specifika. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The Symbol of Viacheslav. Ivanov: Traditions and Specificity. Abstract of Dis. Cand. Sci. Diss.]. Moscow, 1996. 22 p.
11. Todorov C. *Teorija simvola* [Theory of Character]. Moscow, 1998. 427 p.
12. Turbina O.A., Savel'eva O.A. [The Principle of Classification of Text Links]. Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics, 2006, iss. 3, no 6(61), pp. 53–58. (in Russ.)
13. Cvetaeva M.I. *Pis'ma k Natal'e Gajdukevich* [Letters to Natalia Gaiduchevice]. Moscow, 2002, pp. 50–81.

Oksana S. Bernat, candidate degree in philology, associate professor, Chair of General Linguistics, South Ural State University (Chelyabinsk), oxtaber@yandex.ru.

Received 20 October 2014